

Психическое здоровье общества

Часть 1

А. П. Коцюбинский¹, Д. А. Коцюбинский²

В статье рассмотрены с точки зрения психического здоровья общества нормальные и патологические (социо-психопатологические) формы массового (коллективного) сознания. Отмечается, что постинформационное (перенасыщенное информацией, значительной частью которой являются “симулякры”) общество играет роль общественного дистресса и деформирует социальные нормы и ценности. Это обстоятельство способствует “аномии” (отсутствию норм) как разновидности социальной патологии и в целом представляет собой комплекс вызовов, адресованных способности современного человека к успешной психологической адаптации. Затрудненность процесса рационального усвоения устоявшихся идейно-поведенческих норм и паттернов дает стимул развитию в обществе иррациональных феноменов — мифологических механизмов восприятия действительности и “социальной паранойи”. Последняя чревата двумя опасными социально-психическими патологиями, имеющими психиатрический аспект: 1) общим ростом тревоги, способствующей распространению тревожных и депрессивных расстройств; 2) усилением религиозно-обскурантистских тенденций в общественном сознании, препятствующих эффективному лечению психически больных,

Ключевые слова: постинформационное общество, anomia, общественный дистресс, социальная мифология, тревога, депрессия, религиозный обскурантизм, социальная паранойя.

Постинформационное общество как фактор социального дистресса

Феномен коллективного (общего) сознания впервые описал один из основоположников социологии Emile Durkheim [25], указавший на определяющую роль данного феномена в интеграции общества и формировании его “психического типа”³. Он же ввёл понятие аномии (отсутствия норм) как разновидности социальной патологии, возникающей в переходные периоды, характеризующиеся социальной нестабильностью. Старые социальные связи в эти моменты ис-

тории рушатся и обслуживавшие их нормы и ценности перестают действовать, а новые моральные традиции, адекватные возникшим реалиям, ещё не являются установившимися, в результате чего исчезает интегративная солидарность между различными социальными “органами”⁴.

Подходя к рассмотрению данной проблемы с точки зрения психического здоровья общества, следует указать на существование как нормальных, так и патологических (социо-психопатологических) форм массового (коллективного) сознания.

¹ Доктор медицинских наук, руководитель отделения биопсихосоциальной реабилитации психически больных Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии имени В. М. Бехтерева.

² Кандидат исторических наук, старший преподаватель факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета.

³ “Совокупность верований и чувств, общих, в среднем, членам одного и того же общества, образует определенную систему, имеющую свою собственную жизнь; ее можно назвать коллективным, или общим сознанием. Несомненно, оно не имеет в качестве субстрата единственный орган; оно, по определению, рассеяно во всём пространстве общества. Но, тем не менее, оно имеет специфические черты, создающие из него особую реальность. .. Оно — психический тип общества, подобно индивидуальным типам, хотя и в другой форме, имеющий свой способ развития, свои свойства, свои условия существования. Оно имеет поэтому право быть обозначенным специальным термином” [7, стр. 80].

⁴ “...отношения [социальных, — авт.] органов не регламентированы, потому, что они находятся в состоянии аномии”; “Но откуда берется это состояние? .. состояние аномии невозможно повсюду, где солидарные органы .. имеют .. живое и непрерывное осознание своей взаимной зависимости. .. Но если, наоборот, между ними находится какая-нибудь непрозрачная середина, то только раздражения известной интенсивности могут сообщаться от одного органа к другому. Сношения, будучи редкими, не повторяются настолько часто, чтобы определиться; с каждым разом начинаются новые пробы. .. Если же какие-нибудь правила все-таки установятся, то они будут общего характера и неясны, ибо при этих условиях могут определиться только самые общие контуры явлений” [7, стр. 342 – 343].

Эпоха постинформационного (перенасыщенного информацией) общества, возникшего в конце XX века и достигшего пика своего развития в период тотального распространения мультимедийных средств массовых коммуникаций, создает в массовом сознании особенно благоприятную среду для развития указанных патологических тенденций. Переизбыток массовой информации, исходящей из многочисленных и идейно многовекторных источников, непрерывно колеблет, деформирует и деконструирует социальные нормы и ценности, фактически не давая им возможности прочно закрепиться в коллективном сознании общества.

Ситуация дополнительно усугубляется тем, что как индивидум, так и общество в целом сталкиваются с нескончаемым потоком новостей, далеко не все из которых более или менее достоверно отражают появление новых феноменов. Значительная часть новостного потока представляет собой, в терминологии Jean Vaudrillard [23], симулякры, то есть информационные пустышки⁵.

Кроме того, информационные акторы (действующие субъекты) зачастую сознательно искажают либо тенденциозно отображают реальность⁶.

Эффект глобального информационного хаоса и профанации различных общественных представлений усугубляется такими объективными факторами, как неопределенность культурных и цивилизационных границ в современном мире, в котором миллио-

ны людей рождаются от т.н. смешанных (межэтнических, межрасовых, межконфессиональных) браков, живут не там, где родились, либо рождаются и живут не в той этнокультурной среде, в которой жили и формировались их родители. К этому следует добавить характерную для современного социума подвижность (как по вертикали, так и по горизонтали) индивидуальных социальных статусов. Наконец, на всё это наслаивается противоречивость, а порой и конфликтность консервативно-националистических, с одной стороны, и радикально-космополитических, с другой, социальных паттернов, поляризующих и одновременно пронизывающих общество.

Все это в целом представляет собой комплекс вызовов, адресованных способности современного человека к успешной психологической адаптации.

Беспрецедентный по плотности, бесструктурности и “миражности” постинформационный водоворот (которого просто не существовало в предшествующие исторические эпохи) человеческий мозг зачастую не в состоянии не только полноценно аналитически структурировать и переварить, но даже хотя бы приблизительно охватить “по контурам”. В итоге в массовом сознании формируется образ настоящего как “вечно переходного периода”, притом переходного в неизвестном направлении.

З. Бауман [2] в этой связи говорит о феномене “текучей современности” (liquid reality)⁷. Таким образом, ситуация “аномии” из временной и переходной превращается в константную, квазинормальную. Неизбежной реакцией социума на патологию (аномию), ставшую “нормой”, оказывается общественный дистресс, обусловленный “мерцанием” и каждодневным изменением общественных “правил игры” на фоне ухода от обсуждения и конструктивного разрешения глобальных (и продолжающих нарастать, подобно снежному кому) проблем. Ситуация отмеченного общественного дистресса ведет к тому, что целостно-коммуникативный интегративный процесс вытесняется “хаосом” индивидуально-фрагментарных моде-

⁵ “Вся западная вера и совесть целиком ввязались в это пари репрезентации: пусть знак отсылает к глубине смысла, пусть знак заменит смысл, и пусть что-то обеспечит эту подмену — Бог, разумеется. Но если Бог сам может быть симулирован, то есть может быть сведен к знакам, образующим веру? Тогда вся система становится невесомой, она сама отныне есть не что иное, как гигантский симулякр ... Таковы предположительно последовательные фазы эволюции образа:

- он есть отражение базовой реальности
- он маскирует и искажает базовую реальность
- он маскирует отсутствие базовой реальности
- он не имеет отношения к какой-либо реальности, чем бы она ни являлась: он является своим собственным чистым симулякром”. [5, стр. 23 – 24].

⁶ “В большинстве своем СМИ — проекты коммерческие, следовательно, они стараются максимизировать свою прибыль (в том числе от размещения рекламы). .. С другой стороны, манипулятором может выступать власть, при этом через СМИ органы власти стараются “навязать” обществу, массам определенные смыслы, побудить к действию, повысить свою авторитетность или, напротив, снизить политический вес своих оппонентов”; “Прежде всего, необходимо рассмотреть целенаправленное преобразование коммуникативно-содержательной стороны информации — оно связано с созданием лжесобытий, искажением, утаиванием информации, манипулированием со временем и местом ее подачи”; “.. в условиях информационного общества человек подвержен одновременному влиянию печатных и электронных СМИ, радио и телевидения — своего рода манипулированию”. [6].

⁷ “Таковы основания для того, чтобы считать “текучесть” или “жидкое состояние” подходящими метафорами, когда мы хотим постичь характер настоящего, во многих отношениях нового, этапа в истории современности”; “В наши дни паттерны и конфигурации больше не заданы и тем более не самоочевидны; их слишком много, они сталкиваются друг с другом, и их предписания противоречат друг другу, так что все они в значительной мере лишены своей принуждающей, ограничивающей силы. .. Вместо того чтобы служить предпосылкой стиля поведения и задавать рамки для определения жизненного курса, они следуют ему (следуют из него), формируются и изменяются под воздействием его изгибов и поворотов. .. В результате мы имеем индивидуализированную, приватизированную версию современности, обремененную переплетением паттернов и ответственности за неудачи, ложащейся, прежде всего, на плечи отдельного человека” [5, стр. 8, 14).

лей приспособления индивидуумов к калейдоскопически меняющимся реалиям.

В свою очередь, затрудненность процесса рационального усвоения устоявшихся идейно-поведенческих норм и паттернов дает стимул развитию в обществе иррациональных — мифологических механизмов восприятия действительности и осмысления индивидуумом своего места в ней. О тяготении современного общества к мифологизации реальности писал Roland Barthes [22]. Он подчеркнул, что основная функция мифов, на которых в значительной мере базируется общественное сознание — “удалять реальность”⁸, подменяя недостижимую ясность понимания происходящего вокруг (тяга к которой имманентно присуща любому социуму) — мифологической псевдоясностью: “Функция мифа — удалять реальность, вещи в нем буквально обескровливаются, постоянно истекая бесследно улетучивающейся реальностью, он ощущается как ее отсутствие”; “В дополнение к фрейдовскому принципу удовольствия, действующему в психике человека, можно говорить о принципе ясности, действующем в мифологичном обществе. В том и заключается вся двойственность мифа, что его ясность эйфорична”⁹.

Таким образом, формально декларирующее приверженность принципам рационализма и прагматизма, современное общество, по сути, “скатывается” в ментальный иррационализм.

Следует отметить, что психология рассматривает несколько типов мышления.

Наиболее распространенным и адекватным эпохе, наступившей с приходом Нового времени (XVI–XVII вв.), является так называемое дискурсивное мышление. Его основы сформулированы еще в “Логике” Аристотеля, заложившего принципы валидного формально-логического рассуждения.

Однако есть и другие типы мышления, которые, существуя в рамках психической нормы, в то же время оказываются несостоятельными с точки зрения аристотелевой логики. По своей структуре и содержа-

нию эти типы мышления качественно отличается от дискурсивного.

Прежде всего, следует назвать тип мышления, который изначально был характерен для всех архаических обществ. Разные авторы определяют мышление данного типа по-разному: пралогическое или первобытное [13], архаически-примитивное [27], магическое [18], мифотворческое мышление [26]. Помимо этого, существуют и другие типы иррационального мышления, не выходящего за рамки психиатрической нормы: мышление бессознательного [19], а также отчасти аутистическое мышление [4], шизоформное мышление [24] и т.д.

Все перечисленные варианты “внеаристотелева” мышления объединяет единый признак: отсутствие дискурсивности, то есть рассуждающей логики в аристотелевском ее понимании. Мышление данных типов — не рассуждающее, не рефлексизирующее, не контролирующее себя и, в силу этого, некритичное как к процессу, так и к продукту своей деятельности. В широком смысле мышление данных типов можно охарактеризовать как “мифологическое”, поскольку с базовыми характеристиками данного типа мышления мы сталкиваемся в любом мифологическом материале.

Мышление описанного рода неоднократно квалифицировалось в литературе как своего рода второсортное, низшее, эволюционно предшествующее “высокоорганизованному” рациональному, либо возникающее в случае распада последнего как временно усиливающийся “аномийный” феномен. До сих пор в литературе используются восходящие к Леви-Брюлю и другим авторам начала XX в. определения, которые подчеркивают архаичность (несовременность) мифологического мышления: “дологическое” (“пралогическое”), “первобытное”, “мышление дикарей” и т.д.

Однако, хотя эволюция человеческого мышления и была связана с движением от “дологических” форм — к операционально развитым “логическим”, полного вытеснения не рассуждающего мышления — дискурсивным, логическим не произошло и, по упомянутым выше причинам, вряд ли когда-нибудь произойдет. Социальные мифы как были, так, скорее всего, и останутся лежащими в фундаменте общественной психологии архетипическими образованиями, о которых писал К. Г. Юнг [21], подчеркивавший, что “человек далёкого прошлого живёт в нас сегодня в такой степени, как нам это и не снилось...” и что “нет такого безумия, жертвой которого не становились бы люди под властью архетипа” [21, стр. 77]. И тот факт, что в условиях социальных катастроф общественный запрос на мифы резко возрастает¹⁰, отнюдь не отменяет того

⁸ “Как показывает семиология, задачей мифа является преобразовывать историческую интенцию в природу, переходящее — в вечное. ... Наше общество именно потому является привилегированной областью мифических значений, что миф по самой своей форме оптимально приспособлен к характерному для этой идеологии созданию перевернутых образов: на всех уровнях человеческой коммуникации миф осуществляет превращение “антифизиса” [антиприроды, т.е. культуры, цивилизации, — авт.] в “псевдофизис” [псевдоприроду, — авт.]. ... Мир поступает в область языка как диалектическое соотношение действий и поступков людей — на выходе же из мифа он предстает как гармоническая картина сущностей. С ловкостью фокусника миф вывернул его наизнанку, вытряхнул прочь всю историю и вместо нее поместил природу, он отнял у вещей их человеческий смысл и заставил их обозначать отсутствие такового”. [1, стр. 269 – 270].

⁹ [1, стр. 270].

¹⁰ “Способность мифа упростить реальность и свести существующие в ней противоречия к формуле борьбы Добра и Зла самым драматическим образом проявляется во время

факта, что в той или иной форме мифологичность мировосприятия присуща любому социуму перманентно.

Более того, как уже было отмечено выше, начиная со второй половины XX века наблюдается неуклонный рост стремления общества, неспособного совладать с тем объемом информационных вызовов и проблем, с которым люди вынуждены сталкиваться ежесекундно, к мифологизации своего сознания. В этой связи современный мир оказывается до известной степени обречен “жить мифами”, как и любой архаичный социум, с той лишь разницей, что люди древности, будучи погруженными в информационное пространство мифа, не заявляли о своей приверженности принципам рационализма и прагматизма. Современная же цивилизация декларирует принципиальную установку на развитые формы рационального дискурсивного мышления. Более того, можно сказать, что существует некий культ логики, исключительно и бесосновательно противопоставляемой “эмоциям”. На практике же, несмотря на этот культ, в обществе жива неистребимая потребность в мифотворчестве, которая до известной степени даже усиливается. Появляется и исчезает лишь мифологический реквизит. Меняются мифологические одежды, в которые облачаются “неизменные” структуры и сюжеты, уходящие своими корнями в далёкое прошлое человечества, к его “юнговским” архетипам.

В силу отмеченной выше противоречивости между стремлением социума, с одной стороны, оставаться в рамках дискурсивного, логически обоснованного мышления, а с другой — компенсировать недостаток целостности мироощущения усилением мифологичности своего сознания, происходит массовое нарастание тревожных настроений и переживаний. В свою очередь, этот тревожный вектор направляет процесс непрерывной мутации социальных мифов в сторону иррационального алармизма, агрессивности и тяготения к доминированию воинствующе антинаучных, мракобесных доктрин в многочисленных общественных дискурсах, а также к упрощённым силовым решениям сложных социальных и международных проблем. В этих условиях стремительно разрастаются политические мифы, создающие благоприят-

ные условия для манипулирования общественным сознанием¹¹ и наблюдаемой во всем мире “ползучей” дегуманизации политических идеологий и практик.

В целом, в современном мире происходит постепенное отдаление социума от идеалов рационализма и правозащиты (призванной утвердить свободу индивидуума как разумного и ответственного существа), традиционно связываемых с общей идеей прогресса. Идеалы правового и рационально аргументированного прогресса все более очевидно вытесняются доктринёрским консерватизмом, архаичными сувериями, по сути дела перерастающими в “массовую паранойю”, основанную, прежде всего, на страхе перед свободой, которая все чаще интерпретируется как тревожная “неизвестность” и “нестабильность”.

Психиатрам хорошо известен так называемый индуцированный психоз, который, как правило, касается двух лиц, хотя иногда им оказываются подвержены большее число лиц — *folie à trois*, *à quatre*, *à cinq* и т.д. Известен случай, касавшийся целой семьи (*folie à douze*), когда в психотическую орбиту оказались вовлечены сразу 12 человек. Что же касается “массового психоза”, то в наиболее полной форме он был описан еще в работе В. М. Бехтерева [3] “Внушение и его роль в общественной жизни”. При этом Бехтерев отмечал, что, хотя в возникновении “психопатических эпидемий” “отражаются, прежде всего, господствующие воззрения народных масс данной эпохи, данного слоя общества или данной местности”, решающую роль играют не стереотипы общественного сознания как таковые, но целенаправленное внешнее и внутреннее внушение: “.. не может подлежать никакому сомнению, что ближайшим толчком для развития

¹¹ “Политический миф деформирует и “упорядочивает” хаос политической реальности. Он ее *интерпретирует*. В этом и таится возможность манипуляции сознанием с помощью мифов. Что бы ни случилось в мире, миф имеет в своей структуре полочку, на которую можно поместить произошедшее событие так, чтобы оно не топорщилось и не тяготило своей необъяснимостью. Иногда миф есть способ заместить в сознании невыносимый достоверный образ страшной действительности условным образом, с которым можно “ужиться”. Часто под воздействие такого мифа поддаются и профессионалы, что ведет к печальным последствиям”; “В технологии манипуляции сознанием эффективность мифа во многом определяется тем, что он экономит усилия. Свойством мифа является его креативная способность — он задает человеку матрицу, которую тот сам, творчески, наполняет конкретным содержанием. Есть сравнительно небольшое число выработанных многовековой практикой схем мифа (“универсальных конструкций”), довольно хорошо изученных в XX веке. Выбрав подходящую схему, ее можно наполнить конкретным содержанием, в зависимости от задачи манипулятора, и подтолкнуть людей к тому, чтобы они воспринимали проблему в заданной схеме — а они сами “дорисуют” мифологическую картину, дополняя заданную манипулятором схему красочными деталями” [8, стр. 145 – 146].

общественных катастроф, слома устойчивого жизнеустройства — революций и войн. В такие времена мифы сливаются с суровой реальностью, начинают действовать простые формулы и решения, предписанные мифом. Устраняя из реальности зоны хаоса, показывая человеку его место в борьбе, миф освобождает людей от страха перед реальностью, помогает пережить психологические травмы и потрясения. В такие времена люди нуждаются в мифе, тянутся к нему и оказываются беззащитны против манипуляции. Так, поверив в созданный манипуляторами образ героя-избавителя, человек отождествляет реальность с мифом, утрачивает способность к критическому восприятию. Поведение такого человека, захваченного мифом, становится более *программируемым и предсказуемым*” [8, стр. 145].

этих эпидемий являются: **внушение, взаимовнушение и самовнушение**. Господствующие воззрения являются здесь благоприятной почвой". Именно внушение "действует решительно везде, где дело идет об объединении группы лиц одними и теми же чувствами и мыслями и представляет собою не что иное, как непроизвольное прививание известных настроений, идей или действий" [3]. За истекшие сто лет, особенно в постинформационную эпоху, как уже отмечалось выше, данная социально-психопатологическая тенденция не только не исчезла, но приобрела константный характер, превратившись в своего рода "патологический вариант нормы".

В то же время Устав ВОЗ [17] гласит: "Здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов". В этом контексте психическое здоровье рассматривается как неотъемлемая часть и важнейший компонент здоровья в целом, представляя собой состояние благополучия, при котором человек может реализовать свой собственный потенциал, справляться с обычными жизненными стрессами, продуктивно и плодотворно работать, а также вносить вклад в жизнь своего общества. "Патологический вариант нормы", таким образом, не может рассматриваться как паллиатив здоровья и общего благополучия, и, в силу этого, нарастание в современном обществе стрессогенных информационных трендов представляет потенциальную угрозу не только для психического здоровья индивидуумов, но и, что очевидно, для безопасности социума в целом.

Воздействующие на социум стрессогенные социально-информационные факторы не только не дают возможности сформировать комфортную для людей социально-психологическую среду, но прямо провоцируют у отдельных индивидуумов развитие тяжелых и хронических тревожных и депрессивных психических расстройств.

Депрессии и тревожно-депрессивные расстройства, как признано в настоящее время, наиболее часто выявляются в общесоматической сети. По данным многоцентрового исследования, проведенного в 12 странах, около 10 % обращений к врачам общей практики связано с депрессиями [28]. При этом только в 10 – 30 % случаев депрессивные расстройства распознаются врачами общей практики. Исследования, проведенные в России, в целом соответствуют этим данным [11, 12, 16].

Дело в том, что хронически невротизированный, поражённый тревожными переживаниями социум может быть легко превращен в объект манипуляций со стороны сил, обладающих доступом к формированию глобальных информационных потоков.

Данное положение вещей чревато угрозой узурпации контроля над социумом и международной жизнью в целом узкой группой акторов, способных, в

силу своей недостаточной компетентности либо деструктивной мотивации, резко нарушить баланс — социальный, политический, военный, экономический, экологический и т.д. — и подтолкнуть человечество к принятию решений, угрожающих его жизни и благополучию.

Особенности социально-психопатологической ситуации: сравнительно-исторический аспект

Психопатологические тенденции, которые характеризуют состояние современного российского общества, обладают рядом специфических черт, дополнительно усиливающих вышеописанный негативный эффект. Дело в том, что, помимо общих для всего современного социума факторов, на российское общество также воздействуют информационно-патогенные стрессоры, периодически порождаемые собственнороссийской реальностью. В частности, речь идет о факторе деструктивного воздействия на общество в целом со стороны представителей социально-политических "верхов".

В этой связи вопрос о "психопатической эпидемии" (если пользоваться определением этого феномена, введенным в литературу В. М. Бехтеревым), поразившей современный российский социум, возможно компаративистски сопоставить с событиями столетней давности, связанными с преддверием крушения и собственно крахом императорской России в 1917 году. Напомним, что накануне Февральской революции русское общество (причем, в первую очередь, высшие, самые образованные его слои) впало в "коллективную паранойю" шпиономании и прочих "смежных" мифологических построений (в первую очередь, связанных с фигурой царского фаворита Г. Е. Распутина), когда агенты врага мерещились обществу даже в императорских покоях [10].

Сегодня в центре "паранойяльной системы" социума — во многом схожие феномены: поиски "внешних и внутренних врагов", "пятой колонны", страх военного поражения и утраты независимости, экономического обвала, подрыва "религиозных основ" и т.д. При этом, как и столетие назад, катализаторами этого процесса порой оказываются представители политической элиты.

Так, в ходе рассмотрения резонансного уголовного дела с политическим оттенком органы следствия представляют обвинительные заключения, а суды выносят приговоры, обращаясь не только к нормам права, но и к внеправовым, традиционалистским источникам (например, к решениям церковных соборов) [9, 14]. В свою очередь, народные избранники "обрезают" мироточащие бюсты покойных государей, призывают давить танками и тракторами сексуально иначе и принимают сомнительные, с правовой точки зрения, законы, по которым, в частности, людей можно уголовно судить за "отрицание бога".

С явного или плохо скрываемого одобрения со стороны высших чиновников, руководящих представлений о приоритете церкви в духовной сфере, инициируются акты целенаправленного ущемления интересов светской культуры. В частности, “обескровливаются” (в связи с передачей церкви ценных экспонатов) музеи, закрываются функционирующие ранее в стенах культового здания концертные залы, в ведение церкви передаются объекты культурного наследия. Отдельные активисты (зачастую — люди с уголовным прошлым) выступают с инициативой создания “христианского государства”.

На этом фоне появляются выступающие от имени церкви и православной религии политики, в частности, думские депутаты, которые сознательно черпают архаические идеологические концепты, противоречащие принципам правового государства и гуманизма, и затем превращают их в акт политического воздействия на общество в целом. Активное использование этих идей позволяет данным политикам, подчас явно малообразованным и даже интеллектуально “серым”, закрепиться в качестве представителей “элиты”, сделаться заметными и приобрести (в результате раскрученной ими, с использованием государственного ресурса, кампании) немалые политические и материальные дивиденды.

Одним словом, на первый взгляд, между сегодняшним днем — и эпохой столетней давности (когда российское общество, включая представителей его социально-политических “верхов”, буквально помещалось на иррациональных сюжетах — распутинском “шпионаже” и “хлыстовстве”, засилье “темных сил” и т.п.) стилистически и содержательно много общего. А именно, — гротескная демонизация образа врага, массовая истерическая самонакрутка на основе выдуманных либо непроверенных фактов, концентрация общественного внимания на тех или иных сексуально окрашенных сюжетах, вера в социальное чудо как способ преодоления всех накопившихся проблем — всё это было тогда и есть сейчас. И, тем не менее, между предфевральской эпохой и современным отрезком отечественной истории имеются и существенные различия.

Накануне февраля 1917 года “помутнение” власти (игнорировавшей процессы, которые стремительно развивались в социуме, и всё более плотно замыкавшейся в узкогрупповом мистицизме), с одной стороны, и большей части общественности, с другой, было по своему содержанию полярным. То есть входило между собой не в резонанс, а в конфликт. Условно говоря, царская семья и узкий придворный круг безоговорочно верили в то, что “старец Григорий” — святой и спаситель династии, а львиная доля образованного класса так же иррационально была убеждена в том, что он — “черт” (“изувер”, “хлыст”, “половой психопат”, “немецкий шпион”, “глава темных сил” и т.д.). В результате в России оппозиционный “массовый пси-

хоз” захватил наиболее образованную часть общества (т.н. элиты), начиная с разночинной интеллигенции и кончая великими князьями. Ситуация “коллективного помешательства” интеллектуальной элиты общества, его “мозга”, свидетельствовала о близком коллапсе системы в целом и одновременно способствовала ему.

Так, великий князь Николай Михайлович (родной дядя Николая II) был тайным вдохновителем убийства Григория Распутина, а кузен государя великий князь Кирилл Владимирович (потомки которого до сих пор претендуют на российский трон) явился вскоре после свержения Николая II с красным бантом к Таврическому дворцу, где обосновалась новая революционная власть. Почти вся Государственная Дума, включая консервативно-монархические фракции, стала на сторону произошедшей в Петрограде солдатско-рабочей революции. Практически все командующие фронтами отказали императору в поддержке и призвали его отречься от престола. И всё это явилось следствием накопившегося к тому времени практически всеобщего убеждения не только в том, что действующий император слаб и недееспособен, но и в том, что им тайно руководят вышеупомянутые “темные силы”, от которых необходимо было избавиться любой ценой во имя спасения Родины. “Хоть рубашку снимите, но Россию спасите”, — истерически кричал председатель Госдумы Михаил Родзянко [цит. по 20, стр. 480], выступая вскоре после свержения царя перед революционной солдатской толпой, потребовавшей — в обмен на свое дальнейшее участие в войне — от председателя Госдумы согласия на будущую конфискацию его имений в пользу народа. Родзянко явно не сознавал в тот момент, что, приняв участие в свержении императора, встав на сторону революции и декларативно приняв ультиматум, выдвинутый ему теми, кого он в частных беседах называл “мерзавцами”, он по сути выкликал из преисподней грядущего большевистского джинна. Буквально через полгода Владимир Ленин и его команда исполнили пожелание крупнейшего екатеринославского помещика в точности: и рубашку со всего имущего класса сняли, и российскую державу в итоге сохранили. И даже со временем приумножили.

Сейчас же ситуация в России в социально-политическом и социально-психологическом отношении иная. Насколько можно заметить, сегодня “наверху” царит не столько самоубийственный мистицизм, сколько холодный авторитарный прагматизм. При этом процесс искусственной возгонки “низового” мракобесия (в том числе с использованием представителей властной элиты, о которых упоминалось выше), направленный на консервацию властных структур в их наличной форме, носит в целом управляемый и контролируемый характер.

В современной России “обезумела”, в основном, лишь “рядовая общественность”, или “интеллекту-

альные низы". При этом иррациональная волна, идущая "снизу" и управляемая и контролируемая "сверху", не только не угрожает существующей власти, но фактически легитимизирует все ее наиболее консервативные и антилиберальные авторитарные начинания. Впадение в мракобесие не высокоинтеллектуальных, а, прежде всего, средних в умственно-образовательном отношении слоев социума (его, условно говоря, периферической нервной системы), не грозит социальному организму гибелью. Это состояние может вызвать у него лишь апатию, "головную боль", "неврастению кишок" и тому подобные несмертельные недомогания. Такая ситуация напоминает превосходно описанную еще М. Е. Салтыковым-Щедриным [15] политику "управляемой глупости", в условиях России, как наглядно демонстрирует ее долгая история, вполне эффективную и долгосрочную.

Большая же часть интеллектуалов в современной России не вовлечена в обскурантистский карнавал и сопутствующие ему законодательные "чудеса" и сохраняет к происходящему критическое отношение. Таким образом, налицо — контрастная разница между ментальными процессами, происходящими среди интеллектуального меньшинства, с одной стороны, и среднестатистического большинства — с другой.

Так, "вера" интеллектуалов в некоторых радикальных политических деятелей как в своего рода "чудотворцев", бывшая весьма распространенной на протяжении ряда лет, насколько можно заметить, уже прошла свой пик и сегодня захватывает по большей части лишь молодежь, впервые окунувшуюся в поток политической информации. Как можно судить по различным дискуссиям в интернете (а также по числу и составу проводимых политических акций), среди политизированной части представителей "интеллектуального класса" увеличивается процент критикующих в том числе оппозицию и сомневающихся в том, что вчера казалось бесспорным. Таким образом, данная высокоинтеллектуальная социальная группа демонстрирует способности к анализу и критическому восприятию реальности, включая самих себя и своих идейных лидеров.

В противоположность этому, образ президента страны в глазах поддерживающего его "мейнстримного" большинства за прошедшее время остается в целом стабильным. Он не только серьезно не потускнел, но, скорее, даже упрочился, при том что уровень материального благосостояния общества, за которое ответственность несет действующая власть, за это время заметно снизился.

Такой расклад "психических состояний и потенциалов" важен, прежде всего, с точки зрения стратегических перспектив общества. Психическое здоровье интеллектуальной элиты — это абсолютное благо для будущего развития страны, поскольку именно оно, в конечном свете, предохраняет общество от саморазрушения.

В связи с этим необходимо отметить, как минимум, два важных обстоятельства, которые отличают социально-психологическую ситуацию, существующую в современной России, от той, что имела место накануне 1917 года.

Во-первых, власть в современной России глубоко психически нормальна (с "холодной головой") и в силу этого способна (по крайней мере, пока) заблаговременно профилировать любую опасную для себя революционную угрозу (включая самые безумные ее версии). Правда, одним из средств профилактики организованной протестной социальной активности является, как уже было отмечено выше, "контролируемая невротизация" общества через внедрение в его жизнь иррациональных, контркультурных и социально агрессивных дискурсов, атомизирующих социум и делающих его фактически неспособным к независимому от власти политическому сплочению.

Во-вторых, интеллектуальный класс в целом также продолжает сохранять ясность ума. Данное обстоятельство представляется особо важным, поскольку в ситуации возможного политического обвала, который для авторитарной системы рано или поздно становится актуален, сохранивший способность к рациональной рефлексии интеллектуальный класс будет иметь шанс предложить обществу — в условиях резко изменившихся и "сбивающих с толку" большинство населения "аномийных" и "текучих" реалий — социально конструктивный сценарий дальнейшего развития.

В то же время ситуация "управляемой массовой паранойи", которая до известной степени стала в современной России константной, чревата также, как минимум, двумя опасными социально-психическими патологиями, имеющими чисто медицинский, психиатрический аспект. Речь идет, во-первых, об уже упоминавшемся выше общем росте тревоги как причине, способствующей распространению тревожных и депрессивных расстройств, а во-вторых, об усилении религиозно-обскурантистских тенденций в общественном сознании как факторе, препятствующем эффективному лечению психически больных, о чем подробнее будет сказано далее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Мифологии; пер с фр. Зенкин С. / Р. Барт — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. — 320 с.
2. Бауман З. Текущая современность / З. Бауман — СПб.: Питер, 2008. — 240 с.
3. Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни / В. М. Бехтерев // Русский информационно-познавательный сайт "Русколань". Серия "Психология-классика". — СПб: Питер, 2001. [Электронный ресурс] URL: <http://ruskolan.com/tolpa/behterev.htm> (дата обращения: 14.08.2018).
4. Блейлер Е. Аутистическое мышление; пер. с нем. / Е. Блейлер — Одесса, 1927. — 81 с.

5. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции; пер. О. А. Печенкиной / Ж. Бодрийяр — Тула: ООО "Тульский полиграфист", 2013. — 208 с.
6. *Гаврилов А. А.* Средства воздействия СМИ на общественное сознание в условиях информационного общества / А. А. Гаврилов // Молодой ученый. — 2012. — № 8. — С. 152 – 155. [Электронный ресурс] URL <https://moluch.ru/archive/43/5220/> (дата обращения: 19.07.2018.)
7. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии; пер. с фр. А. Б. Гофман / Э. Дюркгейм — М.: Наука, 1991. — 575 с.
8. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2007. — 176 с.
9. *Костюченко Елена.* Дело Pussy Riot: ознакомление с материалами завершено, арест подтвержден. Иллюзий не осталось / Елена Костюченко. — Новая газета. — 11.07.2012. — URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/07/11/50535-v-obvini-telnom-zaklyuchenii-uchteny-dovody-laodikiyskogo-sobora-360-god-n-e>
10. *Коцюбинский А.* Распутин. Жизнь. Смерть. Тайна. / А. Коцюбинский, Д. Коцюбинский — СПб: Азбука, 2014. — 480 с.
11. *Кочорова Л. В.* Проблемы раннего выявления психических расстройств у пациентов общепрактикующих врачей / Л. В. Кочорова, Н. Г. Незнанов // Ученые записки СПбГМУ им. И. П. Павлова. — 2000. — Вып. 7 (3). — С. 169 – 171.
12. *Краснов В. Н.* Совершенствование методов ранней диагностики психических расстройств (на основе взаимодействия со специалистами первичного звена здравоохранения); под ред. В. Н. Краснова / В. Н. Краснов, Т. В. Довженко, А. Е. Бобров [и др.]. — М.: Медпрактика, 2008. — 135 с.
13. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление; пер. с фр. / Л. Леви-Брюль — М.: Атеист, 1930 — 340 с.
14. *Приговор Pussy Riot.* Сноб. — 22.08.2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/selected/entry/51999> (дата обращения: 14.08.2018).
15. *Салтыков-Щедрин М. Е.* История одного города / С. Е. Салтыков-Щедрин — СПб: АСТ, 2016. — 320 с.
16. *Смулевич А. Б.* Депрессии у соматических больных / А. Б. Смулевич, В. Н. Козырев, А. Л. Сыркин. — М.: Медицина, 1998. — 108 с.
17. Устав всемирной организации здравоохранения. — Информационный бюллетень ВОЗ. — № 220. — 2010. — Сентябрь.
18. *Фрэйзер Дж. Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии; пер. с англ. / Дж. Дж. Фрэйзер — М.: Политиздат, 1980. — 831 с.
19. *Фрейд З. (Freud S.)* Введение в психоанализ; пер. с нем. / З. Фрейд // Лекции. — М.: Наука, 1991. — 546 с.
20. *Шульгин В. В.* Дни / Шульгин В. В. // Годы. Дни. 1920. — М.: Новости, 1990. — 832 с.
21. *Юнг К. Г.* Понятие коллективного бессознательного / К. Г. Юнг // Аналитическая психология: Прошлое и настоящее. — М.: Мартис, 1995. — 320 с.
22. *Barthes Roland.* Mythologies / Roland Barthes. — Paris: ?ditions du Seuil (Abbeville, impr. de Paillart) In-16 (19 cm), 1957. — 271 p.
23. *Baudrillard Jean.* Simulacres et simulation. / Jean Baudrillard — Paris: Éditions Galilée, 1981. — 240 p.
24. *Domarus E. V.* The specific laws of logic in schizophrenia // Language and Thought in Schizophrenia; Ed. J. S. Kasanin. / E. V. Domarus — N.Y.: W. W. Norton & Co, 1964. — P. 104 – 114
25. *Durkheim Emile.* De la division du travail social: étude sur l'organisation des sociétés supérieures / Emile Durkheim. — Paris: Alcan, 1893. — 504 p.
26. *Frankfort H.* Before Philosophy: The Intellectual Adventure of Ancient Man. / H. Frankfort, H. A. Frankfort, J. A. Wilson [et al.] — Baltimore: Penguin, 1949 — 296 p.
27. *Jahrreiss W.* Archaisch-primitives Denken / W. Jahrreiss // Handbuch der Geisteskrankheiten; Hrsrg. von O. Bumke — Erster Band, Allgemeiner Teil 1 — Berlin: Verlag von J. Springer, 1928. — S. 547 — 549.
28. *Ustun B.* Mental Illness in General Health Care. International Study / B. Ustun, N. Sartorius. — Chichester: J. Wiley and Sons, 1995. — 35 p.